Предшественники эмблемы Византии

В. И. КУЛАКОВ

В современной науке считается, что двуглавый орел стал эмблемой Византии с конца XIII в.[1] К этому времени феодальная Европа уже обладала геральдическими эмблемами, которые, по мнению ряда авторитетных исследователей, восходят к сакральным символам IX–X вв.[2] Не касаясь деталей дискуссии вокруг определения самого понятия "герб", подробно изложенных Н. А. Соболевой,[3] следует отметить общепризнанные ведущие моменты осознания данного историко-культурного феномена. Герб – это "особые фигуры или символические изображения-эмблемы..., служащие постоянным, отличительным признаком определенного лица, рода,... целого государства."[4] Этим признакам во многом отвечала византийская государственная эмблема XIII в., послужившая основой для официальной эмблемы Священной Римской Империи и с 1494 г. для российского герба.[5]

К середине XX в. в исторической науке укрепилось мнение о непосредственной связи византийской эмблемы с мусульманской изобразительной традицией X–XII вв., а через нее – и с монгольским искусством. Л. Л. Галкин считает, что мусульманские и центральноазиатские изображения двуглавой птицы, как и хеттские орлы VII в. до н. э., воспроизводили образ мифической Анки-Гаруды, служивший оберегом.[6] Из тщательных изысканий С. А. Яниной[7] и Л. Л. Галкина следует, что данная иконография на монетах династий Зенгидов и Джучидов существовала с 1200 по 1357 гг. независимо от византийской эмблематики, будучи относительно ее первичной. Роль восточной традиции изображения двуглавой птицы-хранителя в формировании государственной эмблемы Византии действительно неоспорима.

Первые раннесредневековые изображения двуглавой хищной птицы в Малой Азии относятся к рубежу X–XI вв. (рис. 1, 7). Птица в руках держит двух львов. Эта иконографическая черта восходит к ахеменидской традиции IV в. до н. э., возродившейся ввиду объективных политических условий в III–IV вв. н. э.[8] В рамках общей для всех ираноязычных народов изобразительной традиции ворон (сокол) Варагн представлялся держащим в лапах зайца, змею, человека. Характерно, что сасанидский Варагн и двуглавый византинский орел X–XI вв. встречаются в сходном наборе сопутствующих на изобразительной плоскости животных. В этом ряду, кроме ворона или орла, изображались львы и грифоны.[8] Таким образом, персидские корни иконографии малоазиатского орла X–XI вв. достаточно ясны. Единст-

венное его отличие от Варагна – сдвоенная голова. Подобная черта становится изобразительной нормой для бестиария мусульманского Востока в X–XII вв. Симметричные фигуры сдвоенных или двуглавых птиц и зверей являлись для декорируемой поверхности ткани, поверхности стены здания и т. п. "орнаментальной сеткой, системой из раппортно повторяющихся элементов без центральной оси симметрии."[9]. Показательно, что образ двуглавого орла, продолжателя изобразительной идеи оберега – Варагна, встречается как в виде многократных изображений на парче, так и в ряду других однократно представленных животных-оберегов на алтарных преградах церквей (рис. 1, 9). Так или иначе, одиночные изображения двуглавой птицы в Малой Азии до XIII в. неизвестны.

В раннем средневековье одиночные изображения двуглавой птицы встречены в дружинном декоративном искусстве Балтийского субрегиона. Они представляют принесенную в жертву, рассеченную вертикально птицу на последнем этапе культового действа. Он заключался в том, что распластанная птица крепилась к столбу или стене. Данное изображение стало символом власти князя, приносившего жертву богам для процветания подвластной ему дружины.[10] Самый ранний предмет этой серии, имевшей несомненно северно- или восточноевропейское происхождение, это – подвеска из Гнездовского клада 1867 г. (рис. 1, 3), датируемого по основной массе украшений[11] в соответствии с североевропейскими аналогиями[12] в рамках 950–1000 гг. Позднейший вариант изображения жертвенной птицы представлен на наконечнике ножен меча из погр. 175 могильника Линкунен (ныне – Ржевское Славского р-на Калининградской обл.) (рис. 1, 6), относящемся ко времени не ранее 1000 г. Следует обратить внимание на два признака данных изображений: поперечную полосу на крыльях птицы в традициях стиля "Еллинг", подчеркивающих их расположение на вертикальной плоскости, и крест, расположенный между частями головы распластанной жертвы. Этот крест, не имеющий отношения к христианской символике, связан с культом Тора–Перуна[13] и составлен из топориков, символов бога-громовника. Впервые такой языческий крест в сочетании с частью расчлененной жертвенной птицы появляется на подражании диргему (рис. 1, 1) в кладе 952/953 гг. на о. Готланд.[14]

Первый из вышеозначенных признаков – поперечные полосы на крыльях – сразу появляется на ранних изображениях двуглавого орла в Византии рубежа X–XI вв. (рис. 1, 7, 9). Характерно, что малоазийские мастера использовали этот прием при создании только двуглавой птицы. Второй признак – крест (реже и явно вторично – полумесяц) между двумя птичьими головами – воспроизводится позднее, в начале XIII в. (рис. 1, 12, 13). Оба эти признака, не имеющие прототипов в раннесредневековом искусстве Передней Азии, могут указывать на определенную связь ранних византийских и мусульманских изобра-

жений двуглавых орлов с предшествующими им по времени образами жертвенной птицы в искусстве дружин Балтийского субрегиона.

Данная изобразительная схема родственна по смыслу и конструкции первым "парадным" знакам Рюриковичей. Их главное различие в том, что первый иконографический вариант этой схемы (рис. 1, 5) представляет птицу, направленную головой вверх. Знаки Рюриковичей в основном реализует образ птицы, направленной корпусом вниз. Этот вариант первоначально возник в прусской дружинной среде не позднее середине X в. Он становится известным в Восточной Европе в виде знаков Рюриковичей,в то же время в виде "парадного" и "линейного" вариантов,и постепенно из общего символа княжеской власти превращается в персональные эмблемы конкретных князей.[15]

Первый вариант изображения жертвенной птицы представлен в Восточной Европе в течение краткого времени – не более чем с 950 по 1000 гг. Его возможное влияние на византийское декоративное искусство можно связать только с появлением в Константинополе в 988 г. варяжской дружины.[16] Первоначально этот языческий образ оказал влияние на орнамент византийских тканей. Представленные там двуглавые орлы, в принципе наследующие традицию Варагна–Анки–Рух, приобретают несвойственные им ранее поперечные полосы на крыльях. Многократные изображения птиц-оберегов тогда еще не имели геральдического значения. Византийский орел получает его позднее, изображаясь или однократно, или многократно, но в миндалевидном щите (рис. 1, 10, 11). Эти признаки устойчивых символических изображений, близкие смыслу понятия "герб", для образа жертвенной птицы варяжских дружин 950–1000 гг. являлись неотъемлемыми атрибутами. Не исключено, что этот образ был представлен на щитах варяжской дружины, из состава которой рекрутировались телохранители византийских императоров. Таким же образом и ворон нашел свое место на щитах дружинников севера Европы. Первоначально тела воронов могли прибиваться на щиты непосредственно. Сохранились изображения головок гвоздей как на имитирующих эти щиты наконечниках ножен мечей, так и на самих представленных там фигурках воронов. Вороны на щитах викингов были призваны отпугивать стаи аналогичных пернатых хищников – предвестников несчастья в битве.[17] Именно здесь находятся непосредственные истоки современной европейской геральдики. Эмблема с изображением ворона, появившаяся в IX–X вв.,– предтеча гербов Европы. Аналогичным явлением можно считать изображения на наконечниках ножен мечей, повторяющих рисунок щитов с распластанной жертвенной птицей. В отличие от ворона, отпугивавшего реально существовавших птиц, вертикально рассеченная птица-жертва (петух?), обозначавшая совершенное жертвоприношение, должна была охранять воинов от враждебных действий потусторонних сил. В случае справедливости данной гипотезы

получают объяснение изображения вертикально рассеченных птиц хеттов и индусов, помещавшиеся на зданиях. Над символом солнца, которому посвящался язычниками-индоевропейцами петух, над фронтонами домов Пруссии двуглавая птица изображалась еще в XVIII в.[18]

Итак, все вышеизложенное позволяет выдвинуть предположение о том, что раннегеральдическое изображение жертвенной птицы повлияло на отдельные черты иконографии византийского орла рубежа X–XI вв. Этот образ являлся тогда орнаментальной деталью. В XII в. он приобретает, кроме полученных ранее поперечных полос на крыльях, новые черты эмблемы варяжских дружинников: вертикальную линию рассечения на туловище (рис. 1, 8, 11), гребешки и бородки на головах и длинные хвостовые перья (рис. 1, 8, 10, 12, 13). Последние черты, не имеющие уже никакого отношения к пернатому хищнику – орлу, подчеркивают ориентацию византийских и мусульманских мастеров на образы, в истоке имеющие прототип жертвенной птицы – петуха. Не позднее рубежа XII–XIII вв. изображение двуглавого орла в Византии и Западной Европе становится единичным, без сопровождения на соседствующей декорируемой плоскости аналогичных птиц или иных животных. Орлы в это время воспроизводятся в пределах очертаний круглого или миндалевидного щита. Это дало возможность современным исследователям сделать вывод о появлении личных гербов (печатей) в Западной Европе уже в XII в.[19] При зенгидском султане Сингара (Ирак) в 1187 г. появились первые монеты с двуглавым орлом. Вполне логично предположить, что основой для этого изображения послужил сасанидский Варагн. Однако немаловажно отметить, что распластанные жертвенные птицы изображались в технике граффити или даже чеканились (рис. 1.1) на диргемах, обнаруженных в кладах, составленных дружинниками Севера и Востока Европы.

Перспектива непосредственной связи между этими сакральными и раннегеральдическими изображениями и первыми арабскими монетами с двуглавым орлом требует специального исследования. В любом случае, наличие прямых контактов между мусульманским миром и варяжскими дружинами у современных специалистов сомнений не вызывает. С другой стороны, на малоазийское и североевропейское искусство могли влиять и финно-угорские традиции. В декоративном искусстве Северо-Востока Европы известны многочисленные изображения двуглавых сакральных животных эпохи среднего железа. Однако, учитывая обширный материал по данному вопросу, проблемы влияния финно-угорских декоративных традиций на становление образа двуглавого орла следует также выделить в отдельную тему.

Окончательная стабилизация смысла изображения двуглавого орла в Византии происходит в конце XIII в. При Андронике II на хрисо-

вуле из Монемвасии (1293 г.) двуглавый орел, бывший ранее одним из орнаментальных мотивов в искусстве Малой и Передней Азии, впервые выступает в роли государственной эмблемы.

Два признака жертвенной птицы X в. – поперечные полосы на крыльях и крест между раздвоенной головой – надолго вошли в иконографические схемы византийского и русского искусства, где прослеживаются с конца X в. вплоть до XVI в.[20]

Еще в XII в. изображение двуглавой птицы (птицы-жертвы) помещалось на вотивных украшениях Новгорода Великого (рис. 1, 14), применявшихся при пережиточных языческих церемониях.[21]

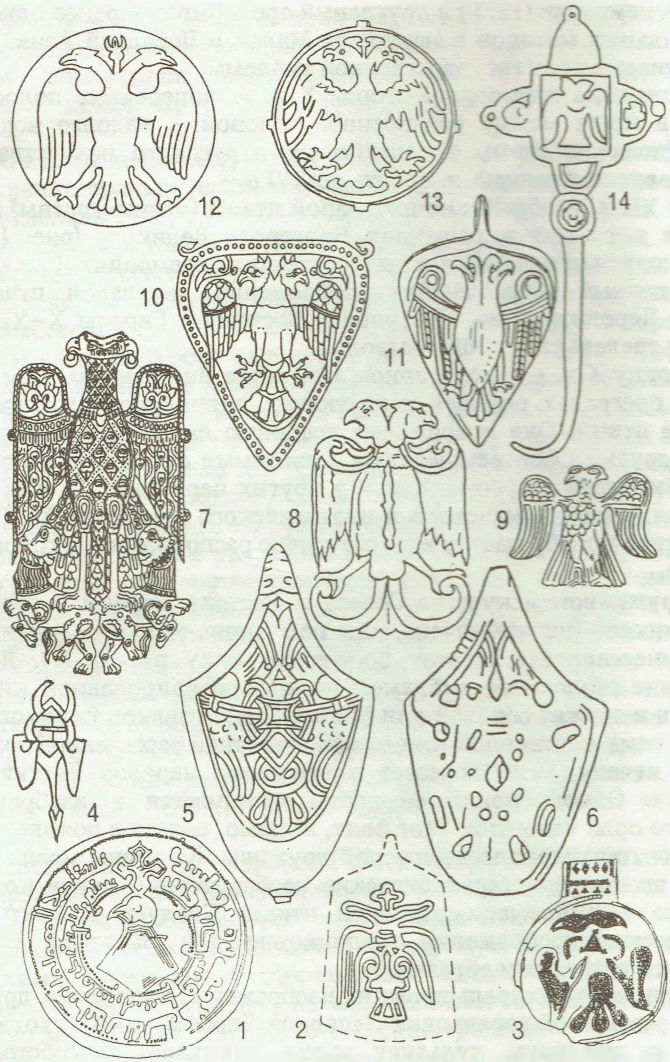
Приведенный выше анализ изображений двуглавой птицы в искусстве Передней Азии, Северной и Восточной Европы X–XIII вв. позволяет сделать следующие выводы:

1. К концу X в. в декоративном искусстве Византии на каменных алтарных преградах церквей и на тканях появляются изображения двуглавой птицы. Они возрождают традицию сасанидского Варагна, наряду с другими фантастическими животными служившим и в Персии, и в Византии оберегом. Как и у других персонажей в изобразительном ряду мусульманского и византийского искусства X–XI вв., хищная птица приобретает две симметрично расположенные головы на одной шее.

2. В дружинном искусстве Севера и Востока Европы в середине X в. возникает (не исключено, что под финно-угорским влиянием) образ принесенного в жертву богу-громовнику петуха (?). Данное изображение становится эмблемой неперсонифицированной княжеской власти и служит основой для формирования знаков Рюриковичей.

3. Эмблема жертвенной птицы, направленной рассеченной головой вверх, к началу XI в. исчезает в искусстве народов Балтийского субрегиона. Одновременно ее черты появляются в изображении двуглавого орла Византии. Этот факт, видимо, связан с появлением в 988 г. в Константинополе варяжской дружины. Ее воины могли нести на своих щитах раннегеральдические изображения,[22] среди которых находилась и эмблема жертвенной птицы. Следует отметить, что геральдические изображения традиционно для Западной Европы восходят к жертвенным образам.[23]

4. Влияние раннегеральдических изображений варяжских дружин, а затем и рыцарской геральдики Западной Европы, также уходившей корнями в духовную культуру эпохи викингов, способствовало возникновению государственной эмблемы Византии и раннегеральдических мотивов в мусульманских государствах Передней Азии. Их изобразительной основой явился понятный местным жителям образ Варагна–Анки–Рух восточного искусства. Решающим импульсом для трансформации этого изобразительного мотива в однократно изображавшийся геральдический символ послужило появление в Византии



Прототипы византийской эмблемы:

1. Подражание диргему из клада 952/953 гг. (Туер-II, Готланд). 2. Изображение на подвесках из Киева и Белгорода, X в. 3. Подвеска из клада 1867 г. в Гнёздове (950—1000 гг.). 4. Изображение на костяном изделии X в. с городища Палянивщина (Черкасская обл.). 5. Наконечник ножен меча с поселения Крутик (ок. 950 г., Вологодская обл.). 6. Наконечник ножен меча из погр. 175 могильника Ржевское (конец X в., Калининградская обл.). 7. Изображение на византийской парче (ок. 1000 г.). 8. Каменный рельеф 1208 г. из Амиды (Сирия). 9. Каменный рельеф X(?)—XII вв. из Старой Загоры (Болгария). 10. Изображение на парче ок. 1200 г. из Зигбурга (Германия). 11. Подвеска XII—XIII вв. из дворца Тилледа (Германия). 12. Каменный рельеф XIII в. из монастыря Бания (Сербия). 13. Каменный рельеф XIII в. из Маркова монастыря (Сербия). 14. Булавка XIII в. из Неревского раскопа (Новгород Великий).

эмблемы княжеской власти варяжских дружин. Последние, как известно, играли в то время не последнюю роль в политике Империи. Тем самым выбор такой государственной эмблемы Андроником II, боровшимся за власть в пораженной политическим кризисом Византии, вполне объясним. В отличие от знаков Рюриковичей, ставших в конце концов личными эмблемами отдельных князей, варяжский "герб" в Константинополе обозначал символ власти без личных персоналий. Такой же чертой обладала впоследствии и государственная эмблема Византии. Как она, так и ее наследник – герб России – в принципе не менялись при монархах различных династий.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Solovjev A. V. Les emblémes héraldiques de Byzance et les slaves//Seminarium Kondakovianum. VII. Praha. 1935. p. 121.

2. Paulsen P. Prunkwaffen der Niederlausitz//Altschlesien. Bd. 7. 1937. H. 1. S. 117.

3. Соболева Н. А. Российская городская и областная геральдика XVIII–XIX вв. М., 1981. С. 8–10.

4. Каменцева Е. И., Устюгов Н. В. Русская сфрагистика и геральдика. М., 1974. С. 5.

5. Лакиер А. Русская геральдика. СПб., 1855. ч. I. С. 222.

6. Галкин Л. Л. Символика джучидских монет // Проблемы советской археологии. М., 1978. С. 222, 228.

7. Янина С. А. Джучидские монеты из раскопок и сборов Куйбышевской экспедиции в Болгарах в 1953–1954 гг. // МИА. № 61. М., 1958. С. 399.

8. Луконин В. Г. Искусство Древнего Ирана. М., 1977. С. 91, 209.

9. Лелеков Л. А. Наследие звериного стиля в искусстве средневековья и Древней Руси // Скифо-звериный стиль в искусстве народов Евразии. М., 1976. С. 226, рис. 1–3.

10. Кулаков В. И. Птица-хищник и птица-жертва в символах и эмблемах IX–XI вв. // СА. 1983. № 3. С. 112.

11. Гущин А. С. Памятники художественного ремесла Древней Руси X–XIII вв. Л., 1936. табл. III, 4 – II.

12. Graham-Campbell J. Viking Artefact. A selected Cataloque. London, 1980. p. 47.

13. Paulsen P. Axt und Kreuz in Nord-und Osteuropa. Bonn, 1956. S. 216.

14. Corpus nummorum saeculorum IX–XI, qui in Suecia reperi sunt. Stockholm, 1977. p. 117, № 225.

15. Рыбаков Б. А. Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси X–XII вв. // СА. VI. 1940. С. 295.

16. Васильевский В. Г. Варяго-русская и варяго-английская дружина в Константинополе в XI и XII веке // Труды Императорской Академии наук. СПб., 1908. С. 382.

17. Сага о Сверрире. М., 1988. С. 65, 87.

18. Dethlefsen R. Bauernhausen und Holzkirchen in Ostpreussen. Berlin, 1911. Abb. 24.

19. Oswald G. Lexikon der Heraldik. Leipzig, 1984. Abb. 101.

20. Чернецов А. В. О языческом дружинном культе Черниговщины // Чернигов и его округа в IX–XIII вв. Киев, 1988. рис. 1; Макарова Т. И. Перегородчатые эмали Древней Руси. М., 1975. табл. 9.

21. Рыбаков Б. А. Русалии и бог Симаргл–Переплут // СА. 1961. № 2. С. 91; Седова М. В. Ювелирные изделия Древнего Новгорода (X–XV вв.). М., 1981. С. 82.

22. Heath I. The Vikings. London, 1985, p. 25.

23. Кулаков В. И. Геральдика пруссов и генеалогические корни родов, возводимых в России к выходцам из "прус" // Генеалогия: источники, проблемы, методы исследования. М., 1989. С. 7.